

ПОЖЕЛАНИЯ ТАНКИСТОВ

За годы войны советские писатели создали немало книг о Красной Армии и ее героях. В их числе есть весьма удачные произведения, правдиво изображающие боевую жизнь.

Однако внимание писателей в большинстве случаев было устремлено к изобразительности и поэтому наиболее знакомым им ролям войск — пехоте, артиллерии, кавалерии и др. Это отчасти можно объяснить тем, что в русской литературе — в произведениях классиков и в лучших произведениях о гражданской войне — об этих родах войск было много написано блестящих произведений, и поэтому современным писателям на эти темы писать было значительно легче, чем о танках и танкистах, к стати сказать, так же, как и об авиации.

В Отечественной войне новые рода войск — танки и авиация впервые были применены так широко и сыграли важнейшую роль во всех ее главных наступательных операциях.

В борьбе танкистов с врагом много примеров высокого героизма, много захватывающих эпизодов, достойных отражения в

художественных произведениях. Самое интересное — это люди, герои танковых войск, овладевшие новейшей военной техникой.

Я позволяю себе упрекнуть писателей в том, что до сих пор почти все они обходили эту тему. «Взятие Белгородской Л. Леонова, пожалуй, единственное художественное произведение о танкистах. В нем много хороших страниц, но оно далеко не полно отражает значение бронетанковых войск в современной войне.

Теперь, когда прошло время для непосредственных откликов на военные события, одной актуальности произведения уже недостаточно — она должна сочетаться с подлинной художественностью. Писателям придется заниматься глубоким изучением специфических особенностей прошедшей войны, и неизбежно их внимание будет привлечено одним из решающих родов войск — бронетанковыми войсками.

Великая победа, одержанная Красной Армией, будет могучим стимулом для создания новых художественных произведений о Великой Отечественной войне.

Генерал-полковник В. В. КУРАСОВ

О РОЛИ ХОРОШЕЙ КНИГИ

Неоспорима и ясна та большая и положительная роль, которую сыграла художественная литература в годы Отечественной войны.

Хорошая книга на фронте не только воспитывала наших людей, но и вызвала их на героические подвиги во имя нашей Родины.

С большим увлечением и по несколько раз перечитывался на фронте замечательный роман Симонова «Дни и ночи». Его читали и на передовой и в тылу, горячо обсуждали в окопах. Эта книга привлекала своей простотой, живостью изложения, героичностью советских людей, пример которых воспитывал и звал многих на боевые подвиги. Сталинградская битва, часть которой так живо представлена в романе Симонова, стала символом грядущей победы нашего великого народа.

Оживленные разговоры среди офицерского состава на фронте развернулись в связи с выходом пьесы Корнейчука «Фронт». Не все вначале уловили смысл этой книги, но, уловив этот смысл, некоторые сделали для себя необходимые выводы.

С большим интересом были встречены и с жадностью прочитаны на фронте «Волоколамское шоссе» Бека и «Иван Никитич» — русский матрос Соловьева и другие рассказы и повести.

Теперь, когда закончилась война в Европе полным разгромом немцев и разрушением всей государственной и военной ма-

шины в Германии, перед советской художественной литературой во весь рост встает задача необычайной важности — отобразить героико-патристическую историю великого советского народа и гениальное руководство великого Сталина, в результате которого наша страна достигла такой исторической победы.

Советские писатели и художники находятся в счастливых условиях. В их распоряжении такое количество источников — живые люди, участники войны, такая обширная тематика, что этого им хватит на всю их долготу творческой жизни. Мы вправе ожидать от наших писателей не только рассказов и повестей, но и больших романов о войне. Но, чтобы не вступить в конфликт с историей, писателю необходимо хорошо изучить операцию, события из которой он хочет описать. Нам представляется, что на первых порах советским писателям необходимо было бы взяться за художественное описание событий из наших главнейших операций, которые имели решающее влияние на ход и исход войны. К числу таких операций следует отнести, во-первых, Московскую 1941 года, затем Сталинградскую битву, Орловскую, Минскую и операции последнего периода войны, завершившиеся взятием Берлина.

Что касается нас, участников войны, то мы всегда готовы помочь советским писателям и сделать все необходимое для того, чтобы героико-патристическая история нашего народа отобразилась в художественных произведениях.

Плакат В. Корецкого. Издательство «ИСКУССТВО»

Маршал Советского Союза Г. К. ЖУКОВ

СЛУЖИТЬ СВОЕМУ НАРОДУ

От имени Красной Армии я поздравляю наших писателей с великой победой!

В истории народов не найти подвига, раннего подвигу советского народа. Ненасильственные жертвы и страдания, перенесенные нашей Родиной. Но они не ослабили ее, наоборот, — они укрепили нашу силу, показали всему миру величие духа советского человека.

В дни отступлений и в дни победы, в испытаниях и в радости советские писатели были вместе с народом. Они не оставались спокойными наблюдателями исторических событий, а были активными участниками борьбы. Художественным словом они помогали делу победы. Это дает основание верить в то, что писатели, так кровно связанные с народом, теперь, в дни мирного строительства, сумеют обобщить опыт Великой Отечественной войны и создадут произведения, которые будут учить наших потомков бороться и побеждать.

От всей души желаю писателям успеха в этом трудном и благородном деле.

Маршал Советского Союза А. М. ВАСИЛЕВСКИЙ

БОЛЬШАЯ РАБОТА

И в самые тяжелые годы Великой Отечественной войны и в годы наших исключительных побед и, наконец, в незабываемые дни окончательного разгрома немецко-фашистских варваров наша советская муза не молчала.

Воодушевленная Красную Армию на великие ратные подвиги, поднимая весь советский народ на священную борьбу за честь и независимость нашей Родины, советские писатели вложили своей неопытной рукой в дело Победы.

Война в Европе кончилась. Наступает иная пора. Нужно передать поколениям правдиво и образно героическую борьбу и труд нашего поколения в закончившейся схватке Советского Союза с нацистской Германией.

Желаю успеха в этой большой работе нашим советским писателям.

До рідного краю ідуть воєнки
І сонячне сяйво квітєє втїнки,
Давнїмчи у гарматах на танках блищать,
І вас пам'ятає герой Стаїнград,
Крилом літає вєсьєляє блакїть.

Встїайте трїоюнамї радїснїє путь!
До марша Стаїнградї гордо ідуть,
Що разумї і серцеї і силї свої
Нєсли в переможи свїщенїє бої.

Дїєїям слава і слава полкам,
Хвала генералам, хвала воїткам,
Хвала офіцерам, народуї сїнаам,
Усім, хто готовї і кров'юї жїттям
Отїзнїє служитї, її боронїть —
Хвала поселокадї грїмїть!

Поля України і мури Москви —
За них, наші друзї, боролїсь ви,
І вас пам'ятає герой Стаїнград,
В честь вам лунає всєвітнїє парад.

Вїд Волги — за Одер, вїд Дону — на Шпрее!
Цїя путь незабата в серцїєх нас умре!
Радїський народ переможи їде —
Чи жє нас подолати? Нікогї її нїде!

Із слави, із пїснї, і з скрипок і фїанфїар
Із кїтїєв, і з смїху складемо вам дар!
Ми аркуї трїумфа для вас вєзимє,
Всіх братїєв народїєв героїєв-орлї!

Генерал-лейтенант В. Н. ЖДАНОВ ТРИ ЗАДАЧИ

В армии я служу 30 лет. Художественная литература всегда была популярна среди военных. Особенно популярна литература, показывающая жизнь и быт самих военных. Этот интерес к определенным произведениям обусловлен их содержанием.

Я имею в виду, к примеру, такие произведения, как «После боя», Куприна, его же «Штабе-капитан Рыбников» или «Севастопольские рассказы» Толстого. Описание жизни и нравов офицерской среды, характеры персонажей привлекают нас и часто вызывают споры.

Такая же военная беллетристика, получившая особое развитие во время войны, должна существовать и теперь, когда тяжелые дни боев уже позади.

Иной раз приходится слышать, будто теперь, в связи с переходом к мирному времени, нужна новая «военно-литературная беллетристика». Будто читатель устал от боев. Это, к сожалению, не так. С моей точки зрения, неверно: те, кто в эти годы был далеко от линии фронта, едва ли могли устать от грохота орудий. А те, кто сегодня возвращается с переднего края, если говорить о литературе, устали не столько от темы войны, сколько от однообразных и стандартных книг о ней. Настоящее художественное произведение о Великой Отечественной войне, несомненно, будет создано, и мы все, военные и не военные, с нетерпением ждем его. Вера в новый роман Фадеева «Молодая гвардия», благодаря правдивому и яркому изображению героизма Краснодона, вызывает самый живой интерес читателя и тем самым утверждает тему войны и в нашей послевоенной литературе.

Назначение военной художественной литературы в мирные дни многообразно. В общих чертах я представляю себе три ее основные задачи. Прежде всего она должна запечатлеть прошедшие события, затем создать образы героев войны. Мне представляется целый ряд подлинно художественных книг о погибших героях, совершивших подвиги во имя родины. Писателям должно дать им вторую жизнь на страницах повестей и рассказов, увековечить их образы в памяти народной. Далее еще одна, не менее важная задача. В войне появились новые типы советского человека, казались новые явления, отношения между людьми, новая мораль. Эти свойства советских людей литература послевоенных лет должна сохранить для воспитания поколений людей.

Воспитательная роль литературы всегда была немаловажной, особенно для молодежи. Я имею в виду не столько принятие житейских навыков, сколько воспитание духа, формирование душевных качеств советского человека.

Молодые поколения колхозников подражали добрым героям — Онегину, Печорику, Чибльди-Гаруду. Новая эпоха рождает других героев, и наша молодежь следовала за Островским, выйдя перед собой вдохновенный образ Павла Корчагина.

Нам свойственно отношение к герою художественного произведения, как к живому человеку, а не выдуманному писателем персонажу. Я помню такой эпизод из нашей боевой жизни: бойцы назвали свой так «Иван Сусанин». Однажды, узнав, что это так называемый герой оперы и вдруг усомнившись в реальном существовании его прототипа, они были так разочарованы, что хотели стереть надпись со своего танка. Так полюбить героя можно только тогда, когда он правдиво, просто и жизненно изображен писателем. Ложный пафос, вышестность, фальшивая патетика не заменят живых, неповторимых человеческих черт.

У нас много книг о героях, в частности, в серии «Герои Отечественной войны», выпускаемой «Молодой гвардией». Авторы этих книг полагают, что жизненность и конкретность образа важнее, чем подвиги и подвиги. И поэтому они неизменно начинают жизнеописание чуть ли не с грудного возраста, находя в любой мальчишеской шалости признаки несомненного героизма. В силу этого выработался некий шаблон, и все герои скроены по единому образцу и похожи друг на друга. Это — непременно ступоренные герои, лишённые индивидуальных качеств и человеческих свойств. Я не помню, есть ли в мировой литературе описание детства Анарба Болконского, может быть, и есть, но образ Андрей запомнится не в деталях его биографии, а в его художественной целостности, конкретности, жизненности.

Советские писатели своим непосредственным участием в войне — оперативной работой, публицистическими выступлениями, в художественными произведениями, завоевали большую известность и любовь народа. Это признание народа — залог того, что Отечественная война во всем ее величии будет показана в художественной литературе.

Герой Советского Союза генерал-майор авиации С. Д. ПРУТКОВ

ЛЕТОПИСЬ ВОЙНЫ

Времени для чтения, конечно, у нас было мало. Но в минуты затишья, в немногие часы отдыха мы стремились достать книгу. Не всегда это удавалось, и редко попадали нам в руки именно та книга, которую хотелось прочитать в данный момент.

Большой радостью и подлинным отдыхом были для нас произведения Пушкина, Лермонтова и других классиков русской литературы. С удовольствием прочитали мы книгу Степанова «Порт-Артур», интересно и правдиво изображающую армию, ее генералов, офицеров и солдат в дни русско-японской войны. Книга эта переходила из рук в руки, особенно симпатично выглядел образ молодого поручика Зюванова. Запомнилась фигура предателя Стеснева.

В Полтавде всегда имелась небольшая библиотека, но запас книг не мог удовлетворить нас. С большим нетерпением мы ждали всегда книги из «Библиотечки журнала «Красноармеец». Очень удачно выбирал журнал авторов, — русских и западноевропейских.

Я очень люблю журнал «Знамя», мне кажется, что и во время войны он был

самым интересным из всех выходящих у нас журналов. Мне понравился написанный в «Знамени» «Сталинградский дневник» Вас. Гроссмана. Сразу чувствуется, что сам писатель — участник сталинградских событий. В «Знамени» же печатались поэмы А. Твардовского «Василий Теркин». Это герой — один из любимых среди солдат и офицеров.

Наши писатели большей частью правдиво и искренно рисовали происходящие события. Бывали, конечно, исключения: придет писатель в часть, немного походит, посмотрит, а через несколько дней в газете появится выдуманная очерк, столь же далекий от правды нашей жизни, как и сам автор от жизни дивизии.

Когда-то Горький мечтал о создании «Истории фабрик и заводов». Он считал, что каждое крупное предприятие должно иметь художественную библиографию. Почему бы писателям не возродить эту идею Горького применительно к войне и не создать историю отдельных дивизий и полков? Ведь почти в каждом подразделении пишут историю своей части, и этот материал будет охотно предоставлен в распоряжение писателей.

Преподаватели и слушатели Военной Академии командного и штабного состава военно-воздушных сил Красной Армии встретились с автором «Порт-Артура» А. Степановым. Писатель рассказал о своей работе над книгой, о своем участии в обороне Порт-Артура и поделился планами на будущее. На снимке (слева направо): Герой Советского Союза старший лейтенант А. Хальцев, дважды Герой Советского Союза майор В. Ефремов, Герой Советского Союза Н. Наумчик, А. Степанов, Герой Советского Союза майор Н. Смирнов и Герой Советского Союза капитан А. Флейшман. Фото А. ЛЕВКО.

Евг. КРИГЕР

На дорогах войны

Может быть, только теперь, когда жизнь, заблужденная бурей войны, возвращается в спокойное русло, мы начинаем постепенно осознавать, какие исполинские усилия и какую невиданную еще в истории человечества доблесть проявили народы для победы над демоном смерти и разрушения, над фашистской Германией. Так путник, с трудом поднимающийся на высокую гору, только достигнув вершины и оглянувшись назад, с замирением сердца видит, на какой головокружительной высоте он оказался.

В первый же период войны наша страна лишилась своих крупнейших промышленных областей, богатых сельскохозяйственных районов, на громадном протяжении перешли в руки врага источники снабжения, железные дороги, заводы-гиганты, шахты, рудники, электростанции. Уже в ходе войны произвелись мобилизация армии, организация отпора, грандиозное перемещение промышленных центров, — буквально из-под огня, из-под немецких танков, под катящихся сотен германских бомбардировщиков. Иные наблюдатели в Европе и за океаном считали, что победа Германии неминуема, дальнейшее сопротивление русских немисливо. Но произошло другое. Оказалось, что и в этих ужасных условиях русские не только продолжали сдерживать чудовищный напор германских армий, но подготовили ресурсы для наступления, которое в конце концов привело их в Берлин.

Как это произошло? Многим людям за рубежом это до сих пор непонятно. Как русские выстояли? Почему они не сдались в кульминационный момент немецких успехов, как удержались на краю Волги, явля, как иням казалось, — на краю гибели?

Вместе с другими писателями и журналистами я был одним из непосредственных наблюдателей военных действий. Я хочу рассказать о людях, о психологических ресурсах советской обороны и советского наступления.

Однажды я встретил среди пленных редкую разновидность немца — мыслителя гитлеровца. Это был офицер, сын бумажного фабриканта. Его взяли в российский автомобиль-люк. Единственный недостаток этого автомобиля заключался в том, что из-за отсутствия бензина сам он двигался не мог. Отступавшие немцы передали к нему деревянное дило, впрягли двух коней, а кучера с дилом посадили на радиатор, что не исключало возможности иметь также и шофера, который за спиной кучера управлял этой последней новинкой немецкой военной техники. То же езда в таком удивительном экипаже вызвала у немца склонность к размышлениям, то же катастрофа, постигшая его народ, заставила офицера задуматься, — во всяком случае на дороге и в последующих беседах пленный об-

ружал известные признаки мыслящего существа.

— Я не могу понять, — говорил он, — что произошло, почему вы сломили нас? Ведь вы убедились здесь, на нашей территории, что Германия — очень богатая страна и что она все отдала делу войны и победы? Общеизвестно также, что германская техника начала развиваться раньше русской и превзошла ее.

Я незлобно улыбнулся, взглянув на немецкий конне-автомобиль, и немец поспешил уточнить свою мысль:

— Я хочу сказать, что к началу войны Германия имела больше военной техники, больше танков и самолетов, больше автомобилей, мотоциклов, транспортеров, специальных пулеметов и всякого рода других машин и приборов уничтожения.

— Да, — сказал я.

— И наша армия умела драться. На полях всех сражений, начиная с 1939 года, она показала, на что она способна.

— Да, — сказал я, — ваша армия показала, на что она способна.

— Почему же вы сломили нас на всех фронтах? Мы сопротивлялись, как черти, и все напрасно. В чем была сила? Я ничего не могу понять.

Бесполезно было объяснять ему что-нибудь. Истинный немец, он был логичен и точен. Как арифмометр. Но разве пригоден арифмометр для познания таких понятий, как организованность социалистического общества, великодушье, самопожертвование, совесть, гнев советского человека? Глядя на «мыслящего немца», я лишний раз понял, почему Красная Армия добилась победы. В германском генеральном штабе сидели педантичные опытные военачальники, рассуждавшие логично и точно. Вычислили соотношение сил на своем участке обороны, скажем, на границах Восточной Пруссии, они решили: «Здесь наша оборона непродолима. Успех русских нужно считать невероятным». У аккуратных немцев все было скрупулезно учтено, за исключением главного — что русские способны на невероятное. Но именно поэтому Красная Армия сплошь и рядом шла на то, что немцы принимали за невероятное.

В те же, примерно, дни я беседовал с советским генералом в отрыве, казалось бы, неприятную для него минуту. Ему сообщили, что немцы отбили важную высоту, на которую опирался у нас план одной из частей операции. Генерал тут же, возлившись, передал по телефону это тревожащее сообщение командующему фронтом, генералу армии Черняховскому. Я не слышал, что отвечал командующий, но в течение короткого разговора выражение тревоги на лице генерала исчезло. Он улыбнулся и кивнул головой.

— Командующий осуществляет такой замысел, по сравнению с которым успех противника просто ничтожен, — сказал он, кладя трубку на место. — Все равно, что капля дождя, упавшая на океанскую волну. Невероятно! Но, знаете, в этом и сила нашего командующего. Он всегда знает, что немцам покажется невероятным,

и надеивает нас именно на это невероятное. Частные и порою весьма неприятные эпизоды, вроде потери этой высоты, не производят на него никакого впечатления. Размах его мысли ошеломляет даже нас, непосредственных исполнителей.

Генерал развернул карту и продолжал:

— На своем маленьком участке мы стараемся применить тот же суворовский принцип: «Дивить — победить!» Смотрите! Вот здесь мы выбрали для нашей пехоты не самые легкие, а самые трудные пути движения. Этот лес почти непроходим. Он входит в систему первого пояса кемпферских укреплений. Удара отсюда немцы никак не ожидали. А наша пехота, рокировавшая сюда за ночь на автомобилях, стремительно прошла атакой через лес и прорвалась в оперативный тыл противника. Тем самым вся левая группировка немцев была скоомпрометирована. Я выражаюсь деликатно, а точнее сказать, — ни один немец отсюда живым не ушел. Правда, для осуществления подобных замыслов нужно иметь такого солдата, как наш солдат. Ведь лес был действительно непроходим.

Я вспомнил этот разговор в те дни, когда велика маришала Рокоссовского везла для немцев круто поворачивая из глубины Польши на север и за лесом, уютно выходя к Балтийскому морю у Эльбига заперши полное окружение всей Восточной Пруссии. «Сегодня на границах империи наш фронт прочнее, чем в любую другую зиму на Восточном фронте», — писал в январе 1945 года командующий Центральной группой германских армий генерал-полковник Рейнгардт. Через двадцать четыре дня после опубликования этого решительного заявления Восточная Пруссия оказалась в мешке. Как это произошло?

Маршал Рокоссовский знал, что на пути к морю нужно последовательно преодолеть семь мощных фортификационных поясов германской обороны. В такой короткий срок, как десять дней, осуществить это немисливо, если не сделать ставку на то, чтобы завершить операцию именно в десять дней, а не месяцев. После первого прорыва, совершенного силами пехоты и артиллерии, вперед были брошены танковые войска генерал-полковника Вольского. До последней минуты их держали на таком большом удалении от линии фронта, что немцы, даже обнаружив их, не смогли бы понять, куда они будут направлены. Только за день до начала рейда являлась масса танков, обходящая полную крепость и маскируясь, совершила 120-километровый марш в район выжидания, а затем второй марш на 70 километров в исходный район.

И сразу после прорыва, совершенного другими родами войск, танки круто повернули на север, к морю. Справ от них был Восточная Пруссия с громадным количеством неприятельских войск. Слева — вся остальная Германия с ее резервами. Танкисты прорвались к морю между двух огней. Немцы отбивались с бешеным

умом, на которое они способны в критические моменты. Штаб генерала Вольского нередко оказывался под угрозой окружения. Но генерал и его офицеры, не отяжелая своим напором, оборонялись различными средствами и радиополк бригады все тот же приказ: «Без остановок — вперед!»

Замысел был построен на оперативной внезапности, стремительности и, главное, абсолютной непрерывности движения, боя. Танкисты сутками не выходили из своих душных стальных коробов. Они забыли, что такое сон и отдых. Черные, закопченные, они едва не падали от усталости, но с боем рвались вперед. Чтобы не устнуть, иные просили товарищей: «Ударь меня! Ну, прошу же, ударь как следует!» Ошеломленным немцам нельзя было дать даже часа передышки для передислокации войск и подвоза резервов. И мы на день этого часа, хотя всем участникам рейда это стоило немалых усилий, предельного напряжения сил.

Произошло именно то невероятное, на что рассчитывало наше командование: германский генеральный штаб не успевал наспышать войсками свои мощные оборонительные сооружения, семь поясов своих фортификаций. Точно рассчитанным и хорошо подготовленным ударом в глубину германского фронта Красная Армия парализовала всю систему неприятельской обороны и выела смещение в немецкие штабы. Резервные войска немцев перекрывались и уничтожались на пути к укреплению. К городу Эльбигу первый отряд танкистов пошел так неожиданно, что застал юнкеров немецкого авиационного училища на вечерней поверке в положении «смирно». Городская публика возвращалась из театров. Офицеры сидели в ресторанах и барах. По морскому каналу шли, как всегда, немецкие баржи и пароходы. За семь суток танкисты генерала В. Т. Вольского прошли по прямой в глубину германского фронта 240 километров, заняли 20 городов, уничтожили около тридцати тысяч немцев, освободили из плена сорок семь тысяч русских, французских и английских. Наступление было настолько мощное и стремительное, что город Танненбург, возмеченный Гитлером, Танненбург — символ величия германской военной истории, Танненбург, где Гитлер устраивал пышные парады и празднества в честь германского оружия и где был похоронен Гитленбург, — город Танненбург был взят танкистами почти мимоходом. Красная Армия вышла к морю, и Восточная Пруссия с десятками немецких дивизий оказалась в мешке.

Я вспоминаю слова русского солдата, танкиста, который был ранен в тот момент, когда открылся бой и поднимался во весь рост, обнимая взглядом поле сражения. Его ругали потом в госпитале и спрашивали, зачем он открыл бой в минуту свирепого боя. Он сказал коротко:

— Омарьям был.

Слыша такой ответ, что же объяснить немцу, в горести вопрошающему, как русские сломили немецкую силу? Да, в германском генеральном штабе сидели опытные, солидные военачальники, они все скрупулезно учили, за исключением глаза: рождения новой, исключительной страте-

гии и настроения советских солдат. Это — новые силы войны, не поддающиеся учету с помощью арифмометров. И силы эти привели нас к победе.

Теперь, как ни странно, рассказав об одном старом сподвижнике. Я встретил его прошлой весной среди каменных руин Сталинграда. Мне понадобилось починить бутылки. С трудом разыскал мастерскую, она ютилась где-то в яме под гору изворванных камней и рухнувших лестничных клеток. Обходительный, добрый старик вызвал починить мою обувь, мы разговорились о днях обороны, и, наконец, сподвижник повел меня показывать, где он жил в самые страшные дни. Это был обвал на краю Волги. С трех сторон он окружен холмами и высокими зданиями. Не держалась окруженная часть Красной Армии. С трех сторон — немцы, ураганный огонь сутками напролет, смерть. Позади — вода, Волга, и переправа тоже под огнем пушек и пулеметов, и в небе немецкие бомбардировщики.

Это был последний край обороны.

— Да вы жили прямо к кратеру вулкана, — сказал я в недоумении тудешнему старику. Ровное, выглаженное снаряжение, засыпанное каменной трухой плато было на том месте, где находился когда-то один из кварталов городской окраины. Ни одно из зданий, ни одной крыши — все втлупно в землю немецкими бомбами.

— Жил здесь вместе с дочкой, — сказал старый сподвижник. — Вот здесь был наш дом. От него ничего не осталось. Тогда мы перебрались в воронку от бомбы. Идите сюда. Станьте на колени. Нагнитесь. Теперь ползите вниз. Осторожно! Не ударитесь! Ну, теперь мы в нашем с дочкой жили.

Согнувшись в три погибели, я оглядывался в темноте. Мы были на дне воронки. Там стояла ковать, столбик с последующим, керосинка, инструменты сподвижника, кукла и в земляной стене над кроваткой — немецкий дивизий оказался в мешке.

— Я вспоминаю слова русского солдата, танкиста, который был ранен в тот момент, когда открылся бой и поднимался во весь рост, обнимая взглядом поле сражения. Его ругали потом в госпитале и спрашивали, зачем он открыл бой в минуту свирепого боя. Он сказал коротко:

— Омарьям был.

Слыша такой ответ, что же объяснить немцу, в горести вопрошающему, как русские сломили немецкую силу? Да, в германском генеральном штабе сидели опытные, солидные военачальники, они все скрупулезно учили, за исключением глаза: рождения новой, исключительной страте-

контужило, я лежал, как пласт, и множетки лечили меня. Оценю, оценю смешно дочку своим шуткам. Как-то меня с дочкой просили уйти отсюда на тот берег, она заплакала, и вот мы здесь остались. А потом был самый страшный день. Немцы подготовили самую большую атаку. Нашим ны за это нельзя было отступать. И чтобы все это поняли, командир приказал на глазах всех бойцов отпихнуть от берега последние лодки. Что бы никто не подумал, что можно спастись на тот берег Волги. И это все поняли. И никто не отступил, хотя многие были убиты. Я того дня не помню, нас с дочкой совсем оглушило. Был такой шум, будто земля долдила. А наши солдаты удержались. Потом командир увидел нас с дочкой и ахнул: «Как же вы здесь остались, черти!» И стал ругать бойцов, как они допустили. Такой злой был, что дочка испугалась. И она стала уговашать его чаем. Тогда он взял ее на руки, качал на коленях, не то плакал, не то смеялся.

В немецких журналах я часто видел фотографии немецких солдат и офицеров в момент боя. Немцы любят такие снимки: перекошенные рты, сведенные судорогой лица. Они, видимо, любят и везески муссируют романтику ужаса. Рассматривая такие снимки, я всегда вспоминаю старого сподвижника и высокие здания, которые доводило много, творчество на пыле, героизм доводить на «брове смерти, как сказали бы немцы. Вспоминал крестьянских подростков в начале войны. Я встретил их за Смоленском. Где-то рядом шли немецкие танки. Истекая кровью, мальчики пробивались куда-то через лес. Я спросил их, куда они идут. «За гранатами, — ответили они просто. — Нам нехватало». Оказалось, что мальчики лежали у дороги в кювете и бросали гранаты в немецкие танки, а немцы равнодушно обстреливали их из пулеметов. Зажима руками раны, мальчики шли за новыми гранатами. И вид у них был угрюмый, но самый обыкновенный, деловой.

Я вспоминаю боюв окружения в начале войны: легче всего пасть духом в колыбе у врагов. Но советские части прибывали, из окружения за десятки и сотни километров, с боями, в гуще немецкого фронта. И бой в окружении русские сделали одним из приемов борьбы. Большие соединения кавалерии или танков на целые недели уходили в немецкие тылы с целью развала и дезорганизации вражеских коммуникаций. Бой в окружении был введен затем в полеовой устав Красной Армии. Вот одно из свойств нашей армии — позиция, умение творчество на пыле, героизм доводить на «брове смерти, как сказали бы немцы, сделать системный прием борьбы. У русских в бою есть вдохновение, азлет мысли, фантазия, дерзость. Весь опыт войны вошел в замысел сталинских наступательных операций — и взрослая у каждого из бойцов решимость на подвиг, и вдохновенная мысль полководцев, соединенная с железной организованностью фронта и тыла при осуществлении великого замысла.

Но, когда я думаю об изначальных силах победы, я всегда вспоминаю просто и хриброго, и не замечавшего своей храбрости, скромного, стойкого русского человека — старика из сталинградской воронки.

На заседании комиссии прикладного жанра ССР. На снимке (слева направо) — Л. Тур и В. Шейдеров; сидят — Л. Шейнин, М. Шагиния и Герой Социалистического Труда Б. Шпитлянский. Фото А. ЛЕОС.

Новые рассказы К. Паустовского

На четвертом собрании секции рассказа Комитета Паустовский прочел новые рассказы «Дождливый рассвет» и «Смерть отца».

В Областной комиссии.

На очередном заседании Областной комиссии ССР обсуждалась рукопись Н. Прияшниковой (г. Челябинск) «Писателю в Оренбургском крае».

Доклад о литературе США

В иностранной комиссии Союза писателей состоялось на днях доклад А. Старцева о текущей американской литературе.

«Песнь о Давиде Гурамитшвили»

С большим успехом прошел вечер, посвященный на днях Национальной комиссией ССР СССР в Клубе писателей и посвященный поэме Симона Чиковани «Песнь о Давиде Гурамитшвили».

КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ ДЕТСКИЙ РАССКАЗ

Редакция журнала «Музыкалка» проводит открытый конкурс на лучший рассказ для детей младшего возраста.

И. ГУТОВ

Минск. 21 июня 1941 года. В зеленом театре городского парка, в связи с пятилетием со дня смерти Горького, выступил мастер МХАТ.

П Л А Н Ы И П Е Р С П Е К Т И В Ы

Беседа с начальником Воинморфлота генерал-майором С. Наيدا

— Тема моря и флота — одна из самых благородных и увлекательных. Она должна привлечь внимание писателей и публицистов, историков и ученых.

Горьковские чтения

19 и 21 июня в Институте мировой литературы состоялся горьковские чтения, посвященные девятой годовщине со дня смерти великого писателя.

Антология русской литературы в США

В Нью-Йорке в издательстве Макмиллан вышел составленный А. Яромлинским сборник «Собрания русской литературы».

Песни Чехова на латышском языке

В Риге вышел в печать сборник песен Чехова в переводе на латышский язык.

Песни Чехова на латышском языке

В Риге вышел в печать сборник песен Чехова в переводе на латышский язык.

В СТРОЮ

Что делать, чтоб сытому быть? — Гитлера бить. Что делать, чтоб одетому быть? — Гитлера бить.

Б У Д У Щ И Е К Н И Г И

За годы Великой Отечественной войны мною заключена и выпущена из печати к дням юбилея Академии наук книга «Героический казахский эпос».

Горьковские чтения

19 и 21 июня в Институте мировой литературы состоялся горьковские чтения, посвященные девятой годовщине со дня смерти великого писателя.

Антология русской литературы в США

В Нью-Йорке в издательстве Макмиллан вышел составленный А. Яромлинским сборник «Собрания русской литературы».

Песни Чехова на латышском языке

В Риге вышел в печать сборник песен Чехова в переводе на латышский язык.

В СТРОЮ

Что делать, чтоб сытому быть? — Гитлера бить. Что делать, чтоб одетому быть? — Гитлера бить.

Д ж а м б у л Д ж а б а е в

Умер Джембул — выдающийся советский поэт, народный акын Казахстана, лауреат Сталинской премии.

Горьковские чтения

19 и 21 июня в Институте мировой литературы состоялся горьковские чтения, посвященные девятой годовщине со дня смерти великого писателя.

Антология русской литературы в США

В Нью-Йорке в издательстве Макмиллан вышел составленный А. Яромлинским сборник «Собрания русской литературы».

Песни Чехова на латышском языке

В Риге вышел в печать сборник песен Чехова в переводе на латышский язык.

В СТРОЮ

Что делать, чтоб сытому быть? — Гитлера бить. Что делать, чтоб одетому быть? — Гитлера бить.